Двигаясь всё дальше по мрачному полю остаточных прижизненных воспоминаний Гарденер раздумывал над тем, как же было всё проще в его прошлой жизни, не той когда он был Луи МакМёрфи обычным клерком ирландо-французского происхождения, а Эдмундом Гарденером, законным принцем Простора до Завоевания Эйгона. Тогда ему и в голову не могло прийти то, что он станет изгнанником на собственной земле, что его родные и близкие сгинут, а единственной возможностью увидеть их вновь и услышать их голос будет сделка с богом мёртвых, вернувшего его к жизни и преследующего свои неясные цели.

Место, в котором пребывал Эдмунд, продолжая искать среди сотен застывших фигур своих друзей и сына, обладало какой-то поистине удручающей атмосферой. Первое время ему казалось нахождение среди остатков чужих предсмертных воспоминаний чем-то загадочным и опасно чарующим, но теперь эти чувства сменились скукой и тоской. По сути, это был огромный склеп тех, кому было отказано в достойном посмертии, хотя проводник чётко дал понять, что это место не является чистилищем, но от того было ещё тревожнее осознавать каким в самом деле должно быть место для застывших на полпути душ. Факт того, что именно его семья практически в полном составе стала частью этого мрачного антуража не добавлял ему спокойствия и умиротворения, скорее только укрепляло ненависть к тем, кто был повинен в свершившемся. Семеро также больше не вызывали человеческого благоговения, конечно, опасаться их гнева всё ещё стоило, но и последствия их безразличия к людским судьбам он никогда не забудет.

Чем больше находился Гарденер здесь, тем сильнее изменялся внешний облик и манера общения того, кто был его неотъемлемым компаньоном в данном путешествии, а именно проводника. Если изначально слуга Неведомого только общим телосложением и гуманоидной формой напоминал человека, то после посещения отца и наставника преобразился до неузнаваемости. В частности, впалый нос изменился на обычный, чуть припухлый, стали различимы жемчужно-белый зубы, а мертвенно-бледная кожа приобрела некоторые оттенки смуглости и дряблости, что уж и говорить, если проводник обзавёлся слегка растрёпанной седой шевелюрой. По крайней мере это было то, что сумел заметить Эдмунд, ибо остальное было по-прежнему скрыто рваным серым балахоном, являющимся неизменным атрибутом проводника.

Не стоило забывать и о том, что на Пламенном поле погибли не только воины Запада и Простора, также здесь присутствовали речники, штормовики и выходцы с островов Узкого моря. Таргариен брал в свою армию воинов покорённых королевств, показывая таким образом свою милость и власть, но Гарденер знал истинную природу это валирийца. Властолюбец, что грезил о славе Древней Валирии, каких было много на всём протяжении истории с момента её падения, но именно Эйгон задумался о том, чтобы не собирать разрозненные бывшие колонии валирийскиго фригольд, а воссоздать родину драконьих владык запада на новом месте.

Что же, в уме и хитрости первому королю на Железном троне не откажешь, как ни посмотри. Какой смысл вновь и вновь пытаться покорять Вольные города, если они доказали свою абсолютную нелояльность и желание свободы от валирийской власти, сколько бы представителей драконьего рода не пытались восстановить над ними её, когда есть невспаханное и неспаленное драконьей поступью поле навроде Вестероса? Так ещё и находящееся в шаговой доступности от Драконьего камня.

При этом всём Вестерос никогда не знал ни верховной власти одной династии, ни опасности

реликтовых огнедышащих тварей, что были частью легенд и слухов из-за моря, лёгкая добыча с какой стороны не посмотри. Если в Вольных городах были свежи воспоминания о былом могуществе Древней Валирии, но при этом известен и безумный нрав её владык, то обитатели Семи Королевств, в виде народов, что когда-то бежали от их власти, уже давно забыли об опасности серебреволосых драконьих владык, пребывая в относительном спокойствии и вечной борьбе друг с другом. Ещё одним преимуществом Вольных городов перед королевствами Вестероса было понимание того, как драконам противостоять, а точнее чёткое понимание того, что без всадника это не более чем зверь, которому до людей, по большей части, нет никакого дела.

Именно исходя из понимания таких прописных истин и опыта завоевания Эссоса до него, Эйгон и принял судьбоносное решения по завоеванию континента, который так и просился в его руки. Как удачно, что в тот момент когда это решение должно было быть принято Аргилак Надменный, король Штормов из рода Дюррандонов, предоставил прекрасный повод для амбициозного юноши, предложив тому преклонить перед ним колено и стать принцем-консортом при его дочери, а иначе и быть не могло ведь та была единственным ребенком этого вздорного правителя, что погубил его деда в одной из войн. Гордость Эйгона была задета, повод дан, вызов брошен. Штормовый земли умылись кровью, древнейший род Дюррандонов, не уступавших в знатности ни Старкам, ни Гарденерам, перестал существовать.

Пожалуй Эйгон мог и остановиться на том, что усадил в Штормовом пределе своего брата-бастарда, женив его на безутешной дочери Аргилака и своей несостоявшейся невесте, но словно подарок судьбы Эйгону развязали руки речники, что стенали под властью Харрена Чёрного из рода Хоаров, короля Железных островов, уже долгое время стяжавших Речные земли железом и кровью. Эйгон получил карт-бланш уже не как оскорбленный, доказавший свою положение в честной борьбе с королём Штормов, воин, а как освободитель угнетённых лордов.

Ответив на призыв речников, Эйгон выдвинулся на Харренхолл, где и спалил ко всем чертям Харрена Чёрного, всю его семью и приближенных. Речные лорды встречали Таргариена, как освободителя и благодетеля, что снесло Эйгону крышу окончательно. Планы планами, но когда уже две военные компании заканчиваются разгромным поражением твоих противников, которых ты нет-нет, да считал равными себе, то сомнений в собственных силах и правоте уже не остаётся. Драконы стали ядерной дубинкой Эйгона, которую молодой завоеватель применял при каждом удобном случае, ибо работало. С учётом же того, что в Вестеросе никто не знал стопроцентного способа, как одолеть реликтовых тварей, так вообще раздолье. Должно быть именно так, чувствовали себя англичане, покоряя пороховым оружием примитивные народы.

Последним вызовом перед тем, как усесться на Железный трон, для Эйгона стал союз Ланнистеров и Гарденеров. По факту самый мощный союз, какой только вообще может случится в Вестеросе и по сей день. Богатство Золотых Львов и сила Зелёной Длани, теперь же Золотой Розы, так или иначе, но это была сила, с которой стоило считаться, но только не когда у тебя есть три живых огнемета в чистом поле. До сих Эдмунд пребывал в лёгком ступоре от действий своего отца и тестя действительно согласившихся на подобный план битвы, прекрасно зная судьбу и итог Хоаров и Дюррандонов. Теперь же с высоты прожитых жизней последний Гарденер понимал, что присутствие самой многочисленной армии на континенте и бесконечное богатство золотых шахт могут ослепить любого властителя, особенно когда они даже не могут себе представить всю мощь питомцев серебреволосых завоевателей.

Печальный итог был закономерен и даже справедлив в какой-то степени, ведь за гордыню и ошибки часто приходиться расплачиваться всем, а не кому-то одному. Мерн IX Гарденер и Лорен Ланнистер сделали свою ставку и поставили на кон жизни своих семей и независимость королевств, а после проиграли, навечно канув в небытие на страницы истории. При Таргариенах великие Золотые Львы Запада стали не более чем казначеями при драконьих всадниках, только после их свержения сумев вернуть себе хоть какое-то положение и то, исключительно стараниями Тайвин Ланнистера. Гарденеры же и вовсе стали не более, чем приятным прошлым для обитателей и лордов Простора, что до сих возводят к ним свою родословную, но и только.

Теперь же, милостью и замыслами Семерых, на плечах Эдмунда лежала задача по восстановлению справедливости для его рода и всех Семи Королевств. Таргариены канули в небытие, а уж их драконы ещё раньше. На престоле сидит некомпетентный правитель, который с каждым годом своего правления вызывает раздражение у всех маломальских лордов Вестероса. Казалось бы, большинство Семи Королевств пребывали в единстве, но если бы это действительно было так, то никакой Войны Пяти Королей в оригинальной истории так и не произошло.

Однако, стоит только убрать с доски фигуру Роберта Баратеона, великого воина при Битве на Трезубце, как всё это единство тут же развалиться на части. Во многих королевствах сильны реваншистские настроения и желание взять своё за три столетия власти сереброволосых безумцев, что закончилось всего несколько лет назад, и только авторитет великих лордов, что имеют свои собственные резоны удерживают вассалов от открытого вопроса: зачем платить дань королю на Железном троне? Королевская Гавань где-то далеко, с королём которому и дела нет до всех остальных. В общем противоречий для развала хватало как ни крути.

Смерть Эддарда Старка в оригинальной истории и вовсе стала для всех северных лордов лишь предлогом для открытого неповиновения Железному Трону. В то время как большинство южных верховных домов были более прагматичными, желая урвать власть за счёт поддержки претендента и выгодного брака. Хотя тот же Бейлон Грейджой дважды делал попытки отделиться, но самобытность железнорождённых ничем не отличается от северян. Таргариены Вестерос завоевали, но объединить так и не смогли, ведь для единства народов требовалось как минимум идеологическая подоплека. Да, драконы валирийской династии были мощным сдерживающим фактором, но не более того.

Хотя не все представители династии были глупы, чтобы не видеть этого, но решали они этот вопрос также, как умели – драконьим огнём. Восстание Святого Воинства могло сплотить разрозненные Семь Королевств посредством религиозного объединения, настроив множество лордов, уже не заставших Завоевание Эйгона против его семьи. Это могло бы даже получиться, но Мейгор, младший сын Эйгона, действовал в лучших традициях своего отца: огнём и мечом. Третий король на Железном троне буквально выбил церкви зубы окончательно уничтожив силы, которая могла бы ему что-то противопоставить, но при этом полностью уничтожил авторитет самой церкви Семерых, что могла бы стать не врагом, но союзником в удержании власти.

По итогу единственными союзниками Таргариенов на всё оставшееся время стали драконы и династические браки и если потерю первых они ещё смогли как-то пережить, при том, что Железный трон в тот момент был расшатан как никогда, за счёт наследного права, то в

последующие годы их подорванный авторитет в ходе сумасбродных решений был полностью сведен на нет. В то же время власть древнейших родов не прерывалась несмотря ни на что, сколько бы испытаний тем не пришлось пережить и только полное уничтожение могло поставить в их историю точку. Таргариены же продержались у власти всего пару столетий, что прямо отсылает к их методу правления и решениям, принятым в ходе него.

От всех этих размышлений Гарденер пришёл к однозначному выводу – шанс на победу есть, при том весьма немалый. Возврати его Семеро с этой информацией как раз таки в момент его смерти, то шансов, что-либо сделать было бы катастрофически мало, разве что преклонить колени и понемногу готовить заговор уничтожая завоевателей из тени, что было бы весьма затруднительно благодаря драконьим снам Таргариенов, но всё ещё возможно. Или же, что вообще было на тот момент немыслимо – сбежать в Эссос.

Как ни странно, память о Древней Валирии помогла потомкам Эйгона даже в этом деле, ведь намного проще переждать бурю там, где твоё наследие и персону знают и уважают, чем будучи никому неизвестным заморским королём просить милости и защиты у торговцев и банкиров пустынного континента. Прекрасным примером этого служит принц с Летних островов, долгое время ошивающийся в гостях у Баратеона, ища поддержки для возвращения на престол родного дома.

Сейчас, во времена упадка драконьей династии и приближения Долгой Ночи, было возможно не только вернуть утраченное, но и куда больше, возможно даже сделать то, что не удалось Эйгону – объединить Вестерос, но это было уже что-то из разряда фантастики. Мотивы Семерых в данном плане были яснее некуда: вернуть утерянное влияние, заиметь собственного ставленника и представителя среди смертных, а также задавить потенциального конкурента и угрозу в лице Великого Иного. По крайней мере сплотить андальские королевства с такой опорой было вполне возможно главное найти нужные точки соприкосновение.

Однако, даже если после всего у Эдмунда была бы возможность усадить свой зад на Железный трон, то он бы скорее самолично отправился на Стену, ибо сидеть на месте того, кто принёс столько боли и крови его семье было практически невыносимо. Как у Баратеона при всём при этом хватает совести сидеть на нём Гарденер даже ума не мог приложить. Возможно, в нём действительно играет безумная и властолюбивая кровь драконьей семейки, а Лиану Старк он может и желал, но не любил на самом деле. Или же Баратеон слишком туп и не понимает таких прописных истин, от того нежелание лорда Старка самому усесться на Железный трон смотрится во много раз благоразумнее и логичнее.

Конечно, не последнюю роль в этом играет нежелание некоторых верховных лордов терять своё положение и защищённость собственных прав и земель в составе децентрализованного государства, которым и было по факту Семь Королевств, ведь стоит искусственному объединению Эйгона распасться как тут же вместо нескольких врагов неявных появиться целая плеяда королевств со своими интересами и планами. Железнорождённые поднимут голову, дорнийцы высунуться из своей пустыни, но теперь уже не ради справедливой мести, а желания пограбить плодородные поля юга, как в старые добрые времена. И не стоит забывать о Севере, что был совсем не белым и пушистым, как сейчас, а родиной воинов, что были ничуть не лучше одичалых в их попытках переступить границы Рва Кейлин, чтобы восстановить владения Старых богов после завоевания андалов.

«Как всегда, когда речь заходит о политике, нет простого решения или метода, при котором все останутся живы и при своих». – тоскливо думал Эдмунд, в очередной раз отворачиваясь от незнакомого лица воина с гербом Окхартов на груди. Гарденер не знал сколько прошло времени с того момента, как он попал сюда, но если найти брата получилось случайно, а отца и лорда Осгрея примерно зная, где те находились на момент известных событий, то вот поиск остальных знакомых Эдмунда уже затянулся. Проводник не проявлял нетерпения или же возмущения, даже не торопил его, но почему-то казалось, что времени на поиски остаётся всё меньше и меньше.

Собственно, Гарденер и стал задумываться о будущем и прошлом только для того, чтобы немного отвлечься от безрезультатных поисков, ибо в этом месте было наглядно показаны последствия решений, которые он может принять или примет в ближайшем будущем. Проблемы, как ни странно, доставлял как раз таки опыт Луи МакМёрфи, жителя Земля двадцать первого века. Такие понятия, как гуманизм и свобода совести шли в разрез с теми концепциями, которыми жил Вестерос в конце третьего столетия Завоевания Эйгона, вызывая множество моральных дилемм хотя и не эмоциональных, а скорее нравственных.

Было намного проще, когда он был обычным просторским принцем, полностью довольным положением вещей на тот момент. Однако, теперь опыт жизни на Земле не давал ему покоя, открыв глаза на многие проблемы, что присутствовали здесь, но на которые Гарденер ранее не обращал внимания. Вопросы веры, наследования, объединения и противостояния довлели над ним словно дамоклов меч, не собираясь ни отпускать, ни давать ему однозначные ответы на возникающие вопросы. Как сказал когда-то один мудрый израильский царь: - «Многие знания, многие печали».

Внезапно Эдмунд уловил краем глаза нечто блеклое, но имеющие некий рыжий оттенок. Внезапная задержка не была незамеченной проводником, что также остановился и выжидающе посмотрел на последнего Гарденера. Просторский принц повернул голову в направлении привлёкшей его внимание детали. Наконец, хотя бы на время долгий процесс поиска был закончен – Гарденер узнал в очередном непримечательном остатке воспоминаний Арвина Флорента, своего товарища юности и наследника Ясноводной крепости при жизни.

Впрочем, всё же было нечто примечательное в том, как погиб шутник Флорент на Пламенном поле. Склонившись над телом, как думалось Эдмунду, собственной лошади, т.к. лопоухий шутник готовился, по всей видимости, драпать, что есть мочи, но не успел, ибо практически полностью покрытая маревом ожогов спина ясно говорила о том, что ждало замешкавшегося в пылу сражения рыцаря. Как назло, даже будь дракон в тот момент где-то вдалеке, то Арвину вряд ли бы удалось уйти оттуда живым, ибо буквально в нескольких шагах от наследника Ясноводной застыл воинов в цветах Таргариенов с топором наперевес, что тоже, к слову, был с ног до головы покрыт темно-багряным маревом ожогов. Дружеский огонь, как он есть и лучшей картины для описания данного явления невозможно было придумать.

- Полагаю можно начинать. – обратился Гарденер к проводнику.

- Вам нужны оба или кто-то конкретный. – неожиданно поинтересовался слуга Неведомого, не став как в прошлые разы сразу преступать к делу.

- Есть какие-то проблемы? – спросил Эдмунд.

- Боюсь из-за положения, в котором находятся остаточные воспоминания в себя придут оба. Это вас устраивает? – объяснил причину замешки проводник. Немного подумав, Гарденер всё же кивнул.

- Не убьют же они друг друга во второй раз. – прокомментировал просторский принц с мрачной усмешкой. После чего слуга Неведомого немедленно приступил к действию.

Как только лучи таинственного артефакта бога мёртвых коснулись замерших фигур двух воинов противоположных сторон конфликта, как тут же действия понеслись вскачь. По сути, в данный момент можно было наблюдать альтернативное развитие событий, которое могло произойти не будь Арвин и неизвестный воин Таргариенов спалены драконьим огнём. С точки зрения обычного наблюдателя это вызывало интерес, с точки зрения Гарденера же лёгкую досаду от невозможности поговорить с прижизненными воспоминания друга в спокойной обстановке.

Первым на кого попали лучи артефакта был Арвин, который стал с недоумением пялится перед собой не в силах найти то, что ему было так нужно в момент смерти. Следом же пришёл в движение и неизвестный воин Таргариенов, что совершенно не обращая внимания на окружающую обстановку, продолжил свой замысел и острожными, но быстрыми, шагами стал сближаться с наследником Ясноводной крепости. Движение было сильным и чётко выверенным, что не оставляло шансов лопоухому Флоренту выйти живым из этой ситуации, если бы он, конечно, всё ещё был жив. Однако, в этот раз с ним был Эдмунд, что не собирался так просто стоять и смотреть за попыткой умертвить своего друга во второй раз на его глазах. Даже если бы это и не принесло результатов, Гарденер был обязан предупредить своего товарища об опасности.

- Арвин! В сторону! – крикнул Эдмунд, практически за пару шагов перед тем, как воин нанёс свой удар.

Казалось бы, любой другой человек должен был замешкаться, но Флорент перекатился прямо по направлению к его голосу, буквально за миг до того, как над его ухом должен был просвистеть полупрозрачный топор воина Таргариенов в закрытом шлеме. То ли дело было в размере его ушей, то ли в том, что он знал и доверял голосу Эдмунда, как родному, но Арвин с ловкостью увернулся, не став дважды раздумывать над смыслом данного действия.

Этого было достаточно для того, чтобы наследник древней семьи оказался на достаточном удалении от своего оппонента, как раз там, где ярче всего светят на него ядовито-зелёные лучи фонаря. Проводник понял намерения Эдмунда без слов и воспользовался заминкой недоуменно оглядывавшего их троих воина, после чего немного изменил положения своего профессионального инструмента так, что его свет более не касался фигуры неудачливого убийцы Арвина Флорента. Короткий миг и остатки воспоминаний союзника Таргариенов возвращаются на своё изначальное место в той же позе, в какой и застал его Эдмунд, при том, что его друг по-прежнему находился в сознании и удивлённо хлопал глазами, глядя на силуэт своего незадачливого противника.

- Приветствую, Арвин. Рад тебя видеть. – помог Гарденер подняться с серой земли полупрозрачному силуэту своего друга.

- Ох, а как же я рад, дружище! Хм, точнее, ваше высочество. – радостно отозвался Флорент, принимая помощь Гарденера. Сперва обрадованный неожиданным появлением Эдмунда, Арвин вмиг исправился, как только осознал, что всё ещё находится на поле боя. Впрочем, пока что Флорент ещё не понял, что и боя то никакого нет, а сам он уже давно скончался. – Вы спасли мою шкуру, ваше высочество. Ещё бы чуть-чуть и этот выкормыш драконьих ублюдков снёс бы мне башню. Но к слову, что вы тут делаете и кто это странный бродяга рядом с вами? Разве вы не должны были быть в авангарде правого фланга? – забросал наследник Ясноводной крепости своего принца, понемногу приходя в себя. - Такая суматоха началась, когда на горизонте появилась эта громадина. И где она кстати? Где вообще все? – начал оглядываться Арвин, понимая, что что-то не так.

- Кхм. – немного сбился Гарденер от потока мыслей своего старого друга, что сейчас потеряно оглядывался вокруг, а после и вовсе натолкнулся своим взглядом на своего несостоявшегося убийцу, застывшего во времени всего в десяти шагах от него.

- Это… Как это? Он просто стоит? Я думал его прихлопнул кто-то из наших, а он… Что во имя Семерых здесь происходит?! – растеряно отреагировал Флорент на столь странную картину, настолько опешив, что сделал несколько шагов назад практически упираясь в Гарденера.

- Успокойся, Арвин. Приди в себя. – взял Эдмунд друга за плечи и хорошенько встряхнул. – Смотри на меня. Я сейчас тебе всё объясню, но боюсь тебе это вряд ли понравиться. – после чего дождался заторможенного кивка от Флорента, а затем продолжил. – Мне неприятно говорить об этом, Арвин, но мы умерли…

Недоверие в глазах наследника Ясноводной крепости после непродолжительного рассказа о всех произошедших после его гибели событий сменилось шоком, а после и лёгкой меланхолией. Арвин не перебивал Эдмунда, даже не задавал вопросов и не делал глупых восклицаний, как от него можно было ожидать. Он молча выслушал просторского принца, а когда рассказ о злоключениях Гарденера подходил к концу с тяжёлым вздохом, не церемонясь, уселся на выжженную землю в серых тонах и уставился на точно такого же цвета небо.

- Собственно ты следующий после отца и лорда Уильямма из тех, кого я знал при жизни. Мне очень жаль, что так получилось. – закончил Гарденер своё повествование, и, не обращая внимание на присутствие рядом слуги Неведомого, также уселся на траву рядом с Флорентом, оказывая тому молчаливую поддержку.

- Значит нас всех спалил дракон. – глухо прокомментировал Арвин услышанную информацию, молча рассматривая силуэт того, кто, как он думал, чуть не убил его. – А этот идиот попался под перекрёстный огонь зверушки своего хозяина как раз в тот момент, когда собирался убить меня. Как ни взгляни на эту ситуацию, а чувствую себя неудачником. – едко усмехнулся Флорент.

- Никак не могу взять в толк, что ты пытался сделать, когда нагибался. – постарался отвлечь от печальных мыслей остаточные воспоминания своего друга Эдмунд. – Что-то случилось с лошадью или что?

- Да, - махнул рукой Арвин. – моего Лютика подстрелили, а я постарался выйти из боя, ибо продолжать бой на полумертвой животине только своим мешать. К сожалению, жеребец не протянул и пяти минут, наверное, стрела порвала артерию или что-то в этом роде. Вот и свалился он посреди свалки, прикарманив с собой во время падения мой щит. Меня вроде как прикрывали межевые рыцари во главе с Уфферингом, но видимо во время появления дракона им срочно потребовалось спасать свои жизни. Я думал ещё чуть-чуть и побегу следом, но не сложилось. Глупая смерть, жаль, что не видит отец. Он всегда говорил, что если не буду сосредоточен во время битвы, то умру, как собака. Похоже, что он был прав. Я действительно умер, как последний дурак. – в гневе начал расчёсывать он свои непослушные и слегка рыжеватые волосы, что также несли на себе след его кончины в виде темно-багряных следов от драконьего пламеня. – Раз уж ты на короткой ноге с Семерыми, что ходишь к мёртвым, как к себе домой, то может скажешь как он? А, дружище? – обратился Флорент к Гарденеру, невольно вызвав у того улыбку своим забавным сравнением.

- Сложно назвать это хорошими отношениями, Арвин. Я скорее просто исполнитель, которого они выбрали чисто случайно. – покачал головой Эдмунд, понимая то, что скучал по непосредственной манере общения своего друга.

- Ха. – выдавил из себя смешок Флорент. – Ты всегда был счастливчиком, Эд. На то и принц, чтоб тебя. Помахать мечами всегда первый, к бабам тоже всегда первый. Даже жену и то самую красивую себя оттяпал. – похлопал он Гарденера по плечу, а после язвительно добавил. – А вот как на тот свет все собрались, так это нет… Подождите, давайте сначала все остальные, а мне ещё с начальством обсудить надо. Ха-ха-ха! – натурально заржал наследник Ясноводной крепости от чего стало казаться, что его уши и без того больше, чем у остальных, затрепетали будто бы Арвин собрался на тех улететь. Пожалуй, ранее это сравнение Гарденеру в голову не приходило, однако схожесть Флорента с Дамбо в этой ситуации была очевидна.

- Иди ты в пекло, Арвин. – оценил шутку друга по достоинству Эдмунд, со всей силы ударяя того кулаком в плечо.

- Ауч. – отреагировал на удар наследника Дубового трона Флорент, а после сменил лицо притворной боли и обиды на свою привычную лисью ухмылку. – Всё-таки один плюс в смерти есть – я ничего не почувствовал. Ну, а теперь о серьёзном. – также резко сменил выражение своего лица на серьёзное наследник Ясноводной крепости. – Зачем тебе всё это, Эд? Семеро дали тебе второй шанс, а это порой стоит дороже королевства. Тебе же буквально предлагают взять и то и другое. Так к чему ворошить прошлое и беспокоить наши бренные души? Хотя я до сих не возьму в толк почему спустя три столетия я только сейчас осознал себя мертвецом. – внимательно взглянул в глаза Гарденера Арвин, словно пытаясь понять, что было на уме и в душе просторского принца.

- Ты обрадуешься, если я скажу, что это место не для душ, а воспоминаний тех, кто погиб от драконьего огня и тому подобного? Что ты это вовсе не ты, а набор того, что определяло тебя, в то время как твоя душа возможно живёт уже в совершенно ином мире, не способная никогда

вспомнить то, кем ты был раньше? – решился Гарденер быть откровенным со старым другом.

В прошлый раз, сталкиваясь с воспоминаниями умершего брата и отца у Эдмунда не было возможности, да и желания вдаваться в подробности относительно того, как на самом деле обстоят дела. Однако, теперь Гарденер считал, что просто не имеет права отворачиваться от вопроса друга и врать тому в глаза, путь это был и не со всем он. Для человека душа это что-то настолько необъяснимое, как и божественная природа, а потому в голове Эдмунда просто не укладывалось то, что воспоминания перед ним не совсем тот Арвин Флорент, которого он знал, ибо он двигался, как он, говорил, как он. Он и был его другом до мозга костей, а потому Эдмунд не имел морального права лгать ему, чтобы не произошло.

- Хм. – задумчиво прищурился Арвин, а после как ни в чём не бывало хлопнул Гарденера по плечу. – Не совсем понял тебя, но это лишь значит то, что я вполне себе жив и здоров, а не застрял на самом деле в этом отвратительном месте. Как по мне одни плюсы. – абсолютно радостно ответил наследник Ясноводной своему другу. – А от того я ещё раз спрошу, Эд. Зачем тебе это всё?

- Я находился на волоске от того, чтобы сдаться, Арвин. – предельно честно отвечал Эдмунд. – Неведомый предложил мне решение. Предложил попрощаться. – объяснил Гарденер своим мотивы.

- Ну и дурень же ты, твоё высочество. – неодобрительно покачал головой Флорент с глубокомысленной улыбкой на устах. – Чтобы попрощаться не обязательно для этого отправляться в пекло. Нужно хранить воспоминания о дорогих тебе людях в сердце и вспоминать не факт их смерти, а то какими они были при жизни. Так меня учила матушка ещё до того, как покинуть наш мир от хвори, и поверь, у меня никогда не возникало мысли о смерти несмотря на отношение отца и проделки братьев, ведь я знаю, что она никогда бы не хотела подобного исхода. Я понимаю, что для Гарденеров у которых постоянно, что не день, то очередное день рождение кузена, весьма сложно принять концепцию того, что смерть неотъемлемая часть жизни, но ты уж постарайся. Если так хочется сделать что-то кроме бесполезных соплей, что ты тут развесил, то можешь увековечить память о родных в камне или же сражаться с их именами на устах, но никогда не умирай ради них. Это самое непростительное и гнусное, что ты только можешь сделать. – покачал головой Флорент, словно осуждая Эдмунда. – Это не тот принц, которого я знал и уважал при жизни. Не знаю, что с тобой сделала смерть и что ожидает в новой жизни, но я знаю одно – мой друг, Эдмунд Гарденер никогда не сдавался и не отчаивался, даже если вместо бабы в борделе ему подсовывали мужика. – закончил Арвин свою проникновенную речь, не забыв разбавить обстановку шуткой в конце, чтобы поднять Гарденеру настроение.

- Это было глубокомысленно. – покивал для верности Гарденер, крепко задумавшись над словами друга, которые звучали весьма убедительными, но ровно до той поры пока он не осознал последнюю его фразу. – Чтоб тебя, Арвин! Я прекрасно помню, что сбежал оттуда в тот же самый момент, как обман вскрылся и ты это знаешь!

- Ха-ха-ха! – рассмеялся Флорент от всей души. – Видел бы ты своё лицо! Ты был готов согласиться со всем, что я говорю! Ха-ха. – хлопал тот себя кулаком по ноге не в силах сдержать рвущийся наружу смех.

- Тебе лишь бы посмеяться. – тяжело вздохнул Эдмунд. – Но спасибо тебе. Мне действительно были нужны эти слова. – поблагодарил он друга от всей души, чувствуя, как слова Арвина ложатся на благодатную почву, заставляя его самого задаваться вопросами о том, зачем он вообще пришёл сюда.

- Не за что, Эд. Для друга, а уж тем более такого, как ты, мне ничего не жалко. – наконец отсмеявшись, отозвался ему Флорент. – Ты уж постарайся не умереть также позорно, как я, а лучше сделай то, что должен, да назови какой-нибудь бордель в мою честь. – выдал ему друг напутствие в своём стиле.

- Боюсь нынешнему лорду Флоренту вряд ли понравиться, если я назову бордель в честь его мертвого родственника. – ответил Эдмунд, улыбаясь.

- Так всё-таки мой отец не скопытился, а дело продолжил один из братьев? – уточнил Арвин, проявляя малую долю интереса к разговору о своей семье.

- Насколько я знаю лорд Флорент действительно был одним из немногих лордов, выживших в том сражении. Он проправил без малого ещё лет десять, пытаясь оспорить право Тиреллов на верховенство в Просторе, а после скончался в Первой Дорнийской войне, передав свой титул Райману. Не тот ли это твой брат, что всегда ходил за тобой хвостом? Кажется, ему ещё пришлось женится на твоей жене, чтобы сохранить династический брак с Рованами, ибо у вас так и не получилось зачать ребенка. – охотно рассказал Эдмунд другу о том, что знал сам.

- Райман? Это задохлик? Бедняга, верно, натерпелся от этой стервозины Миллены, ибо стоило той только открыть рот, как всё желание совать член в это змеиное гнездо тут же отпадало. – поцокал Арвин языком, непритворно сочувствуя родному брату. – Как я уже говорил из всех нас тебе досталась самая лучшая супруга, что тогда только было можно найти.

- Да. – с теплой улыбкой предался Гарденер воспоминаниям о супружеской жизни. – Она была такой.

- И что с ней стало? – неожиданно спросил Арвин, выводя Гарденера из ностальгического ступора. – Насколько могу судить её здесь не было, а значит ей как-то пришлось мириться с тем, что её муж и единственный ребенок погибли на войне. Ей явно было тяжело, боюсь даже представить насколько.

- Я не знаю, Арвин. Тебе прекрасно известно, как мало уделяют мейстеры внимания женщинам на страницах истории, особенно если они никогда не правили, а она была простой дочерью короля, выгодно выданная замуж ради союза. Всё что мне известно так это то, что Лорен забрал её в Утёс после битвы, а что было с ней дальше для меня, как и для тебя, тайна, покрытая мраком. Однако, я постараюсь сделать всё от меня зависящее, чтобы узнать о её судьбе и прийти на её могилу. – пообещал себе Эдмунд, беря перед собой ещё одно обязательство, окончательно осознавая то, что теперь не сможет умереть просто так, не исполнив клятвы данные самому себе.

- Ты уж постарайся, Эд. – серьёзно взглянул ему в глаза Арвин. – Она любила тебя. Я уверен, что если из Гарденеров на тот момент никого не осталось, то она была одной из немногих кто навещал твои обгорелые кости в вашем родовом могильнике. Ты обязан поступить также. Это будет, по совести. Иначе я вернусь с того света и расквашу твою морду в благородный зелёный цвет твоего дома. Понял меня? – потребовал Флорент ответа.

- Разве лицо от ударов не становиться красным, а потом синим? – уточнил Гарденер спорный момент.

- Я тебе лицо одуванчиками для красоты измажу. – раздражённо ответил ему Арвин. – Так ты понял меня или нет? – угрожающе занёс свою руку Флорент.

- Понял я, понял. Мог бы и не говорить. Я и так собирался это сделать, ведь я тоже любил её, да и сейчас люблю. – с горечью произнёс последнюю фразу Эдмунд, заставив Флорента самого чувствовать себя неловко от своих слов.

- Ладно. Будет тебе, шагай давай. – похлопал Арвин своего друга по плечу в последний раз. – Я рад, что ты не забываешь своих друзей, но лучше занимайся делами, а не самобичеванием. Эй, ты! – крикнул наследник Ясноводной крепости замершему соляным столбом проводнику. – Не знаю, как там тебя звать, но давай заканчивай уже это.

- У слуги нет имени. Сейчас я выполняю только приказы чемпиона хозяина. Только его желание имеет значение в данный момент. – бесстрастно оборвал настрой Арвина проводник.

- Эх, и вот так всегда! – в сердцах воскликнул Флорент. – Хоть бы после смерти побыть принцем, а нет, всё равно иерархия. Ваше высочество, будьте так любезны отпустить уже своего раба в спокойное ничего. – язвительно обратился Арвин к Эдмунду словно издеваясь, вызывая у просторского принца очередную теплую ностальгическую улыбку.

- Довольно, проводник. – дал Гарденер отмашку слуге Неведомого. – Прощай, Арвин. – окончательно попрощался Эдмунд.

- Прощай, дружище. – напоследок схватил тот Гарденера за руку в крепкой хватке. – А о борделе с моим именем ты всё же подумай. Как-никак умираю я не так часто, как делаешь это ты. – это была последняя фраза, что произнёс давно почивший наследник благородного дома Флорентов перед тем, как вновь окончательно стать частью унылого пейзажа, заставшего во времени Пламенного поля.

По итогу старый друг полупрозрачной фигурой оказался в десятке шагов от него, неспособный вспомнить о нём или когда-либо поднять треклятый щит, ставший причиной его кончины. Эдмунд остался один сидеть на безжизненной земле, не ощущая ни холода, ни теплоты в этом мертвом мире мёртвых воспоминаний. Однако, на сердце его остались приятные ощущения от той далекой бурной молодости простоватого принца, которую он уже никогда не сможет вернуть.

- Пойдём. – поднялся Гарденер с земли, даже не запачкавшись. Хотя было ли это вообще возможно в этом мире?

- Времени остаётся всё меньше, чемпион. – обратился к Эдмунду проводник спустя несколько минут после того, как они продолжили свой путь. – Пребывание здесь более определённых рамок может негативно сказаться на вашем теле. По истечению срока я буду вынужден вернуть вас обратно к хозяину, хотите ли вы того или же нет. – предупредил его слуга Неведомого.

- Хорошо. – кивнул недовольно Гарденер. Конечно, он мог возразить и попытаться встать в позу, говоря, что он никуда не уйдет пока не выполнит в полной мере то, зачем он пришёл. Однако, по прошествию времени желание ломать на себе руки со шло на нет, да и вряд ли бы он смог помешать проводнику осуществить задуманное. – Почему это место может быть губительно для меня?

- Этот мир нематериален. – просто объяснил слуга Неведомого в процессе дальнейшего поиска. – Вы живы, а потому не можете находиться здесь без сопровождения. Даже взаимодействие с остаточными воспоминаниями может происходить только под влиянием артефакта. В ином случае вас бы просто вышвырнуло отсюда, но т.к. вы некогда и сами были частью данного места, то велик шанс обратный – застрять тут навсегда.

- Звучит крайне неприятно. – прокомментировал Гарденер слова проводника, почувствовав, как по коже пробежали мурашки от возможности застрять в этом искусственном мире навечно.

- Соглашусь с вами. – после чего далее они двигались молча.

После этого разговора прошло уже прилично времени, а найти ещё хоть кого-то из знакомых Эдмунда так и не удавалось. Когда казалось бы, что вот, ещё немного и проводник скажет, что пора возвращаться, Гарденеру наконец-то улыбнулась удача. Тот, ради кого он в действительности задумал этот поход, перед кем действительно чувствовал себя виноватым – его сын, Мерн Гарденер.

Уже не мальчик, но всё ещё юноша, Мерн, что должен был, после его кончины на престоле Простора, быть коронован, как десятый по счёту король этого имени. Тот, кого он по глупости своей и своего отца взял на самую ужасающую битву в истории их семьи, сейчас застыл тонкой фигурой перед открытым пространством, открыв рот в немом крике, не в силах закричать никогда более. Глаза его были широко раскрыты и если бы Эдмунд умел читать мысли, то был уверен, что не услышит ничего кроме ужаса, что испытал его ребенок, глядя в два огромных глаза самой устрашающей твари континента.

Если раньше Гарденер и видел следы от ожогов драконьего пламени, буквально уничтожающего внешний облик остатков воспоминаний, то сложно было вообще передать ощущения какие он испытал, когда понял, что испытал его сын, приняв на себя залп Балериона практически в притык. Нетрудно было догадаться, что так и случилось, ведь в отличие от всех ранее встреченных людей тёмно-багряные следы покрывали тонкую фигуру

Мерна с ног до головы, не оставляя хотя бы одного целого узнаваемого места на нём.

Благородные русые волосы – отличительная черта его рода полностью отсутствовала, вместо неё только, казалось бы, пульсирующий комок багряного цвета. Не было видно на нём одежды, что стала одним чёрным пятном без опознавательных знаков. Не было оружия или хоть какого-то снаряжения, по которым можно было опознать парня. Вместо этого только одно позволило Гарденеру определить, что этот молодой, застывший от ужаса юноша действительно его сын – его глаза. Ярко-изумрудные глаза, что достались ему от матери, сейчас были широко открыты запечатлев момент гибели его родной крови. Даже увидев сына в такой близости от себя, Гарденер застыл прямо перед ним, не в силах сделать хотя бы шаг на встречу.

- Полагаю этот бедный остаток именно тот, кого вы искали, чемпион? – обратился к нему проводник. Не найдя слов Гарденеру оставалось только кивнуть. – Тогда советую вам поторопиться, боюсь, что время идёт буквально на минуты.

- Хорошо. – практически с трудом выдавил из себя Эдмунда, двигаясь навстречу своему самому страшному кошмару и дикому страху, чувствуя, как с каждым шагом тяжелеют его ноги, что будто бы налились свинцом. – Сынок. – горько произнёс Эдмунд, касаясь пальцами следов ожогов от драконьего пламени, что навсегда и неотвратимо изменили даже облик воспоминаний Мерна, сына Эдмунда.

Как раз в этот момент проводник применил фонарь, заставив обожжённую фигуру юноши снова ожить. Сначала мальчик даже не понял кто стоит перед ним, ведь в его голове всё ещё была жива память об огнедышащей ящерице размером с замок, готовой залить его огнём. Однако, вместо смерти перед лицом был его отец, только очень молодой или кто-то очень похожий на него совсем, как он сам. Из его глаз тонкой дорожкой текли слёзы, а сам он осторожно, будто боясь разбить, гладил его по щеке. Изменений в своей внешности юноша не обнаружил, да и не мог он никоим образом сделать это.

- Отец? – растерянно и слегка недоверчиво спросил Эдмунда Мерн. – Что ты тут делаешь? Где дракон?

- Мерн, дорогой. – почти задыхаясь от радости и горя выдавливал из себя последний Гарденер. – Мой мальчик. Не бойся. Дракона больше нет. Он улетел.

- Правда? – удивлённо воскликнул отголосок последних моментов жизни его сына.

Изуродованный, оплавленный, неузнаваемый. Эдмунд не хотел запоминать своего сына именно таким, но теперь, глядя на то, что с ним стало, Гарденер был уверен, что обязан был сделать это, чтобы никогда больше не забывать ради чего Семеро вернули его в этот мир. Чтобы не один отец или мать больше не потеряли сына по вине сиренеглазых безумцев и их зверушек, ни от их огня, ни от их зубов и когтей. Для того, чтобы ни один Таргариен более не правил Вестеросом так, как делали они это раньше.

Гневные и отчаянные мысли стремительным потоком перетекали из одной в другую, а потому

было несложно провести параллели. Песня Льда и Пламени – красивое поэтическое название, которое дал Мартин этой вселенной, но, по правде говоря, это было больше предупреждением, нежели эстетической необходимостью. Можно подумать, что это название говорит о пророчестве и необходимости союза двух семей: Старков и Таргариенов. Однако, если задуматься валирийцы во времена своего расцвета ничем не отличались от белых ходоков из-за Стены, уничтожая и разрушая всё на своём пути словно неостановимый поток жара самой преисподней.

«Верно». – думал Эдмунд, глядя на изуродованное лицо сына, вспоминая всех, кого он когда-то потерял. – «Это песня не о пророчествах, ведь даже в самом названии лёд и огонь являются дуэтом. Иные и Таргариены – вот два монстра, поющих в унисон и несущих с собой всеобщую гибель и свою философию». – делал избранник Семерых мрачные выводы.

Две противоположности, но при этом одинаковые до смехотворства. Глупцы думают, что огонь в данном случае дарует жизнь, противостоя хладной смерти, но это совершенно не так. Жизнь в вечном покое и смерть в ярком моменте – вот философия Иных и Таргариенов. Одни обращают мир в застывший пейзаж, а другие в безжизненную пустыню. Две противоположности преследующие одинаковые цели, но использующие разные методы.

Вот почему итогом всей этой борьбы стало уничтожение, как тех, так и других. Трёхглазый ворон видел многое и понимал от того не меньше. Он видел истинную природу обоих лагерей, а потому и привёл их к окончательному уничтожению, раз и навсегда поставив точку в этой ложной пьесе, поставив точку там, где никто её не ожидал. Однако, теперь и Гарденер видел всю суть и полную картину событий.

- Мне жаль, сынок, мне очень жаль. – отчаянно прошептал Мерн, прижимая к себе сына и обнимая его в самых крепких объятьях какие только мог себе позволить.

- О чём ты, отец? Мы уже победили? – не понимал юноша странного поведения своего отца, что никогда в жизни не позволял себе проявление столь сильной привязанности. – Почему я не слышу звуков солдат? Да, что с тобой в конце концов?! – уже в какой-то отчаянной попытке достучаться до своего родителя вскричал сын Эдмунда.

- Время. – бесстрастно произнёс проводник.

- Прости меня, Мерн. Я был самым худшим отцом для тебя, ибо только ужасный родитель может спокойно повести родного ребенка на смерть, но я клянусь… - произнёс Эдмунд, вглядываясь в то, как исчезает перед ним изображение мира, а вместе с ним и всё то, что он никогда больше не увидит и не услышит. – Я не позволю кому-либо ещё пострадать на моих глазах также, как и тебе. Я пройду этот путь, чтобы, когда мы увиделись с тобой в ином мире я бы смог взглянуть на тебя, не отводя взгляд. Прости меня, сынок, и прощай. – произнёс Гарденер последние слова прощания перед тем, как ощущения беспокойно вырывающегося из его рук сына сменились пустотой.

Гарденер стоял на одном колене ровно там, куда и привёл его проводник ночью на Пламенном

поле. В мир снова вернулись краски, хотя по-прежнему не было видно в этом месте чьего-либо присутствия или же слышно пения птиц, но чувство реальности происходящего было во много раз более, чем до этого момента. «Путешествие в мир мёртвых воспоминаний окончилось». – понял Эдмунд, когда вместо, уже ставшего привычным, проводника, перед ним предстал своей бесформенной фигурой Неведомый.

- Как всё прошло? – поинтересовалось божество. – Проводник справился со своим заданием? Нашёл ли ты прощение, что так отчаянно искал?

- Как будто ты сам не знаешь. – бесстрастно ответил божественному лику Гарденер, поднимаясь с земли и отряхивая, ставшее грязным, колено.

- Похоже ты нашёл даже больше, чем искал, верно же? – спросил Неведомый в той же манере, что и Эдмунд, от чего казалось их манеры общения стали схожими, как две капли воды.

- Ты хотел добиться такого результата, когда отправлял меня туда? – отрешенно уточнил Эдмунд, разглядывая безоблачное звёздное небо.

- Нет, но я предполагал, что это путешествие не только вынудит тебя сражаться до конца, но и направит на нужный моим братьям и сестрам путь, всё-таки я всё ещё неотъемлемая часть нашего пантеона, а потому и основной интерес у нас схожий. Так или иначе я бы всё равно остался при своих, ибо наша сделка заключена и свою часть договора я выполнил, дело осталось исключительно за тобой. – ответил ему бог мертвых предельно честно, в рамках ожидания того, что предполагал услышать Гарденер.

- Последний вопрос перед тем, как вернуться обратно. – остановил Гарденер божество, чувствуя, как ощущение спокойствия, даруемого божественной аурой, исчезает. – Кто такой проводник? Я никогда не слышал о подобных ему существах, да и его странные метаморфозы в том месте вызывают вопросы. Мне казалось, что кроме безликих у тебя нет официальных слуг.

- А он и есть безликий. – непринуждённо дал ему неожиданный ответ Неведомый. – Первый, что когда-либо был. И последний, когда придёт время. – напустило божество таинственности, прежде чем окончательно раствориться во тьме ночи.

Внезапно темнота отступила. Звёздное небо заволокло тучами, но при этом в том месте, где находился лагерь Марвина теперь снова горел костёр, стали видны силуэты спящих лошадей, по-прежнему сидевшего у костра Мага, а также спальные места, одно из которых был чуть больше другого, обозначая спящего Корбрея. Ещё совсем недавно там не было абсолютно ничего, только голый пустырь, а теперь вновь появились признаки пребывания живых существ в этом месте. Сила Неведомого была поистине одной из самых таинственных среди всей Семерки.

Вернувшись в лагерь, Гарденер не стал заводить беседу с Марвином об уведённом, Мага он может расспросить и позднее, сейчас ему хотелось только спать. Перед тем, как лечь, Гарденер молча разбудил Корбрея, чтобы тот заступил на свой пост и только после этого

отправился на боковую. Однако, скрыть изменения, которые произошли с ним в эту ночь Эдмунд не смог. Марвин и Лин ещё долго будут вглядываться в беспокойное лицо своего короля во сне, словно бы увидев того впервые, так и не посмев заговорить об этом вслух.

Лицо Мерна Гарденера до и после купания в драконьем огне

http://tl.rulate.ru/book/82574/2878812